
ИЗ ИСТОРИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

“ГОГОЛЬ И РАБЛЕ” КАК СЮЖЕТ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ 1940–1980-х гг.

© 2014 г. С. А. Дубровская

В статье прослеживается история рецепции одного из серьезных научных сюжетов отечественного литературоведения – “Гоголь и Рабле”. Декларация М.М. Бахтиным данной проблемы во многом стимулировала исследовательский интерес, открыла возможности сравнительно-сопоставительной методологии. Освещение истории сюжета позволяет увидеть в точечном вопросе отражение общих закономерностей отечественной литературоведческой мысли 1940–80-х гг.

The author of the article traces back the history of treatment of one of the serious scientific subjects of Russian literary studies, “Gogol and Rabelais”. M.M. Bakhtin's statement of this problem stimulated scientific interests and offered opportunities of comparative approach. The article covers the history of the plot, which allows to see the reflection of the common patterns of Russian literary studies of 1940–80s.

Ключевые слова: научный сюжет, смех, народная смеховая традиция, рецепция,

Key words: scientific subject, laughter, folk laughter tradition, reception.

Обозначенное название – “Гоголь и Рабле”, – отчасти отсылая к известному фрагменту М.М. Бахтина «“Рабле и Гоголь” (Искусство слова и народная смеховая культура)» [1, т. 4 (2), с. 511–521], отражает выбранный отечественным литературоведением ракурс рассмотрения проблемы “освещающего значения Рабле” [1, т. 4 (1), с. 17] для понимания смеховой традиции в русской литературе. Данная проблема входит в широкий круг вопросов, связанных с восприятием бахтинских идей в науке. Сюжет “Гоголь и Рабле” вписывается в общую картину длительного и противоречивого процесса восприятия бахтинских идей отечественной гуманитарной мысли.

Ряд исследований в этом направлении был выполнен Н.А. Паньковым [2], И.Л. Поповой [3], получивших высокую оценку отечественной и зарубежной науки [4–7]. Вопрос приобрел острую актуальность после появления книги швейцарских исследователей Ж.-П. Бронкара и К. Бота [8], поставивших под сомнение не только место Бахтина в бахтинском круге¹, но и его роль в написании книги о Ф.М. Достоевском. Несмотря на то, что данная позиция подверглась обоснованной критике в работах ряда литературоведов [13–15], она продолжает пользоваться определенным “спросом” у части западных и российских авторов [16].

Объективному критику трудно не согласиться с точкой зрения С.Н. Зенкина, который отмечает “серьезнейшие лакуны в документации, неверные переводы и прочтения, насильственные умозаключения и логические ошибки” [13, с. 366].

В то же время, как справедливо подчеркивает О.Е. Осовский, “самим существованием семи книг бахтинского собрания сочинений дан однозначный ответ всем сомневающимся и по поводу Бахтина, и по поводу его места в истории филологической и философской мысли прошедшего столетия” [15, с. 102].

Таким образом, любая документально подтверждаемая история каждого из научных сюжетов, входящих в общую литературоведческую концепцию М.М. Бахтина, становится аргументом, подтверждающим обоснованный авторитет мыслителя и его научного имени.

Сюжет “Гоголь и Рабле” развивался в нескольких направлениях: рецензии на монографию “Рабле в истории реализма” для Гослитиздата 1944 г., отзывы оппонентов, дискуссия на защите диссертации 1946 г., обсуждение работы в ВАКе 1947–1952 гг., внутреннее и открытое рецензирование книги в 60-е гг., отклики на публикацию статьи “Рабле и Гоголь” в 70-е, построение собственных научных концепций с опорой на бахтинское прочтение “смехового слова” Гоголя. Участники и формат обсуждения определили

¹ О современном понимании “круга Бахтина” см. [9–12]

специфику научных акцентов проблемы. Общий пафос всех выступлений – преодоление. В одном случае – узости взглядов, в другом – чрезмерности аналогий.

Так, в первых официальных отзывах на монографию М.М. Бахтина “Рабле в истории реализма” (для Гослитиздата, декабрь 1944 г.) звучат положительные оценки обозначенной проблемы “Гоголь и Рабле”, намечающей, по мнению рецензентов, широчайшие перспективы в изучении русской литературы. Б.В. Томашевский и А.А. Смирнов восприняли соположение имен Гоголя и Рабле как не только возможное, но и открывающее новые области в осмыслении смеха, “смехового слова” в русской литературе. Б.В. Томашевский, соглашаясь с выводами Бахтина, подчеркивает: “В заключительной части автор показывает, насколько его выводы значительны и по отношению к позднейшим явлениям литературы (в частности, к Гоголю)” [1, т. 4 (1), с. 977]. Смирнов дает развернутую характеристику этой традиции (которая, по его мнению, определяется концепцией “гротескно-фольклорного стиля”): “Во-первых, она помогает перестроить наш взгляд на средневековую поэзию в целом. Далее, она обращает наше внимание на элемент того же гротескно-фольклорного стиля и мироощущения у других великих писателей Возрождения, в первую очередь <, > у Шекспира и Сервантеса. Наконец, М. Бахтин указывает, что многие черты этого стиля и мировоззрения, необыкновенно живучего и устойчивого, можно найти и у некоторых писателей нового времени, напр. у Гоголя, где они восходят к тем же народным источникам, что и роман Рабле, но при этом осложняются возможным косвенным влиянием на Гоголя со стороны Рабле через посредство Стерна” [1, т. 4 (1), с. 982]. Этот фрагмент рецензии на книгу Смирнов без изменения включит в свой отзыв официального оппонента по диссертации М.М. Бахтина. Для специалиста в области европейской литературы средних веков и Возрождения, автора статьи “Рабле” в “Литературной энциклопедии” очевидна органичность места раннего Гоголя в мировой смеховой традиции: не соглашаясь с Бахтиным во взгляде на сущность смеха в XVII и последующих веках, Смирнов выстраивает демонстрирующую сложность развития смеха линию, само перечисление имен в которой не только дает абрис традиции, но в целом “укрепляет” бахтинский сюжет: “поэтические травестики Скаррона и его роман, “Записки Пиквикского клуба”, украинские повести Гоголя, “Тартарен” Доде и мн. др.” [4 (1), с. 1006].

Для другого официального оппонента – И.М. Нусинова – “освещающее значение Рабле”

[1, т. 4 (1), с. 17] не столь очевидно, и истоки гоголевского смеха не исчерпываются общей для Рабле и Гоголя европейской традицией. Лишь отчасти соглашаясь с бахтинской концепцией смеха у Гоголя, Нусинов отмечает: «Верно, что смех Гоголя, в частности, в таких его произведениях, как “Тарас Бульба” или в “Вечерах на хуторе близ Диканьки” вырастает из народных, ярмарочных, праздничных элементов. Но неверно, что их первоисточник(ом) является готический реализм и что юмор Гоголя подготовлен тем, что “традиции готического реализма на Украине были очень сильными и живучими... странствующие школяры и нищие клерики разносили устную рекреативную литературу Фацетти, анекдотов, мелких речевых травести, пародийной грамматики по всей Украине”».

“Смех Гоголя питался самой украинской действительностью, а не этими вынесенными с Запада литературными влияниями” [1, т. 4 (1), с. 1010]. Таким образом, для Нусинова предпочтительнее укоренение Гоголя в местном фольклоре, а не в европейской традиции. Однако для ученого, как представляется, этот момент не принципиален, и в детальный спор с Бахтиным он не вступает.

Академик Е.В. Тарле, для которого история Франции, эпоха Наполеона были предметом специального изучения, а масштабный сравнительно-исторический подход в оценке явлений прошлого – один из методологических принципов, не мог не оценить новаторство бахтинского взгляда на истоки гоголевского смеха. Типологическое сходство смеха Рабле и Гоголя для Тарле более чем бесспорно: “Русских историков литературы несомненно заинтересует связь и параллели, которые автор устанавливает между Раблэ и Гоголем” [1, т. 4 (1), с. 1015].

Таким образом, для авторов первых отзывов обозначенная Бахтиным линия “Рабле – Гоголь” не представлялась искусственной, они видели традицию, отмечали ее как открытие нового направления в истории русской литературы.

Понимая дискуссионность обозначенной проблемы, сам Бахтин специально затрагивает в тезисах к диссертации вопрос об “освещающем значении Рабле”, а во вступительном слове подчеркивает: «Я встретился с этими формами в русской литературе <...> Этот смех звучал не только на Палатинском холме, на холме святой Женеьевы, он звучал на Киевских горах, веселая монашеская игра – она была в Печерской лавре – “ризус пасхалис”, и традиции этого смеха я ясно прошупываю в наших летописях, в наших проповедях. Я занят вопросом изучения традиций гоголевского смеха.

Она прямо ведет через бурсацкий смех к специфическим особенностям гоголевского смеха» [1, т. 4 (1), с. 1022].

Дискуссия, развернувшаяся на защите, показала решительное неприятие (а в какой-то мере и боязнь) выбранного Бахтиным аспекта рассмотрения творчества Гоголя. Так, историк русской литературы Н.К. Пиксанов рекомендует прежде показать развитие раблезианской традиции в русской литературе и не универсализировать идею смеха: “Вы говорите о смехе, – нужно сказать, что тот прием, которым вы говорите о смехе, ваша замашка универсализировать смех, сделать его субстанцией, сделать стихию какого-то государства в государстве, – это вызывает мое сопротивление. И я боюсь, что когда мы будем осмысливать народность или ненародность движения только в аспекте смеха, мы любую народность – средневековую или русскую – снизим и укоротим” [1, т. 4 (1), с. 1038].

Тон высказанных рекомендаций выявляет идеологизированную заостренность взгляда на проблему. Еще более очевиден перевод проблемы в политический контекст в выступлениях М.П. Тряевой и Е.А. Домбровской, откровенно искажавших идею Бахтина. Тряева, доказывая необходимость классового подхода, запальчиво повторяет “Неправильно это!”, Домбровская прямо называет мысль о соположении творчества Рабле и Гоголя порочной.

В ответе Бахтин, не вступая в прямую полемику, объясняет свое видение проблемы, отвечая каждому из неофициальных оппонентов на его языке. Он настаивает на важности обращения к ранее не учтенным элементам влиявшей на Гоголя традиции: “Разве можно вычеркнуть из украинской действительности Киевскую духовную академию, бурсу, всю эту латинскую школьную мудрость? Не следует недооценивать удельного веса этого элемента. Я же на нем заострил свое внимание только потому, что этот момент вовсе не понят и не изучен, поэтому на нем остановился” [1, т. 4 (1), с. 1058].

Отвечая на замечание Тряевой ученый акцентирует внимание на очевидной нелепости: «Хома Брут. Я даю классовый анализ этого образа, произведение в целом я не рассматриваю. Если бы рассматривал, никогда не позволил бы дать такое странное истолкование. Панночка задушила Хому Брута – это называется классовым истолкованием повести “Вий”, так изложили с классовой точки зрения. Я касался этого образа попутно и, по-моему, правильно вскрыл его классовую природу» [1, т. 4 (1), с. 1064].

Идеологический аспект спора, прозвучавший во время защиты, нашел свое продолжение в известной истории с рассмотрением диссертации в ВАКе в 1947–1952 гг. Уже в опубликованной в газете “Культура и жизнь” заметке В. Николаева “Преодолеть отставание в разработке актуальных проблем литературоведения” [17], критикующей, по свидетельству Е.М. Евниной, работу руководства ИМЛИ АН СССР [18], автор прямо называет диссертацию Бахтина “фрейдистским”, “псевдонаучным трудом”, а работу Ученого совета примером “безответственного, антигосударственного отношения к присуждению ученых степеней” [18, с. 117].

Отметим, что диссертация М.М. Бахтина не случайно была выбрана автором заметки в качестве объекта критики: защита Бахтина, по свидетельству современников, имела определенный резонанс в московских научных кругах. Так, фигура Тряевой, выступающей во время защиты Бахтина, появляется на страницах “духовного заветания” Л.Е. Пинского “Парафразы и памятования” (1979) [19, с. 453], а образ самого соискателя приобретает в одном из пассажей современников черты фольклорного героя [2, с. 117].

И если на защите новаторский характер фрагмента “Гоголь и Рабле” не принимался неофициальными оппонентами из-за несогласия с методологией исследования, то при обсуждении работы в ВАКе в 1949 г. рассмотрение проблемы перешло из научной в политическую плоскость. Примечательно в этой связи впервые опубликованное В.И. Лаптуном [20] письмо Г.С. Петрова М.М. Бахтину (начало апреля 1948 г.), фиксирующее относительно спокойное настроение комиссии по отношению к бахтинской диссертации: “О Вашей диссертации определенного чего-либо не удалось добиться. Вернусь 12–13 апреля – добьюсь и сообщу. Но должен сказать Вам то же, что говорил в личной беседе – оснований для отмены решения Совета института нет (так сказал мне Мовшович, начальник юридической части Министерства Высшего Образования, которого я знаю). Есть надежда, что просьба о присвоении степени доктора будет удовлетворена” [20, № 3, с. 182]. Однако, как известно, сложившаяся ситуация ставила под сомнение присуждение ученой степени вообще². Борьба с коспомолитизмом и низкопоклонством перед Западом сделала сюжет “Гоголь и Рабле” политически криминальным. Для А.В. Топчиева и Р.М. Самарина очевидна крамольность сопоставления Гоголя и Рабле, они

² О политической атмосфере в стране, влиявшей на ужесточение оценок см. [2, с. 91–356].

не рассматривают проблему как научную. Так, Топчиев прямо предлагает диссертацию “взять на контроль в связи с космополитизмом, проявленным в работе: Гоголь подается как подражатель, и не только это – есть и другие моменты. Хорошо было бы дать на контроль и, может быть, опубликовать замечания, а затем уже решить вопрос о присуждении степени кандидата” [1, т. 4 (1), с. 1093].

Результатом высказанных замечаний стало исключение Бахтиным из диссертации фрагмента “Рабле и Гоголь”³, что, наряду с другими поправками, сделало возможным присуждение ему степени кандидата филологических наук.

Нельзя не вспомнить и о таком эпизоде конца 1940-х гг., как издание монографии “Франсуа Рабле”. Е.М. Евнина, автор книги, как известно, испытала влияние бахтинской концепции смеха Рабле⁴. Можно говорить о фоновом присутствии идей Бахтина в научном сюжете о смехе Рабле. Для Евниной творчество Гоголя становится важнейшим источником смысловых характеристик разных регистров смеха. Говоря о рождении нового стиля и, в частности, о такой особенности “дикийннго сплава жанров” как “тесное сплетение элементов комического и серьезного”, Евнина выходит на сопоставление стилевых черт Рабле и Гоголя: «Это сплетение, – отмечает исследовательница, – осуществляется у Рабле не в плане мягкой юмористической окраски серьезных моментов (как, скажем, у раннего Диккенса, у Гоголя и др.) и не в плане трагической развязки комического движения (как в “Недоросле” или “Ревизоре”), а скорее в буйном и беспорядочном чередовании и противопоставлении друг другу буффонных и серьезных элементов...» [21, с. 278].

Однако в общем выводе, выходящем на прямое сопоставление смеха Гоголя и Рабле, Евнина сохраняет приверженность устоявшемуся взгляду:

³ В “Объяснительной записке Бахтина в Экспертную комиссию ВАК, приложенной к переработанной диссертации 15 апреля 1950 г.” под пунктом № 6 читаем: “Страницы, посвященные творчеству Н.В. Гоголя, вовсе устранены из книги, так как они содержали в себе нечеткие формулировки и так как попутная и беглая трактовка творчества Н.В. Гоголя в книге о Рабле вообще неуместна” [1, т. 4 (1), с. 1105].

⁴ В своих воспоминаниях Евнина пишет: «... после его блистательной защиты и восторженного отзыва о нем моего “Карпыча”, я бросилась читать рукопись его диссертации, экземпляр которой оставался в архиве нашего института, и сейчас же убедилась, что по глубине и оригинальности мысли работа Бахтина далеко превосходила все написанное о Рабле даже во Франции <...> Когда годом позже я издавала в Гослитиздате свою книгу о Рабле, мои редактора без объяснений сняли из нее все цитаты и ссылки на диссертацию Михаила Михайловича...» [18, с. 116, 117].

“Если веселый смех Гоголя в конечном итоге был побежден глубоким чувством уныния <...> то смех Рабле, его безграничный оптимизм и вера в человеческое счастье, наоборот, превалирует и побеждает грусть, вызванную трагедией французского гуманизма” [21, с. 264].

Начатый заочный диалог находит свое продолжение уже в бахтинских пометах на экземпляре книги Евниной о Рабле, имевшейся в личной библиотеке ученого. В характерной для себя манере, уже описывавшейся исследователями в связи с работой Бахтина над книгой О.М. Фрейденаберг “Поэтика сюжета и жанра” [4, 22, 23], Бахтин соответствующими отчеркиваниями на полях обозначает важные для него фрагменты. Двойной чертой помечены те эпизоды, в которых Евнина намечает смеховую линию (в общем перечне имен звучит и имя Гоголя). Отдельные же пассажи, связанные с размышлениями исследовательницы о гоголевском смехе в его соотносительности с мировой традицией, не остановили взгляда Бахтина⁵.

Новый отрезок в истории сюжета “Гоголь и Рабле” приходится на конец 1950-х – начало 60-х гг. и связан с ситуацией “возвращения Бахтина” в отечественную гуманитарную науку, случившееся, как известно, благодаря усилиям С.Г. Бочарова, Г.Д. Гачева, В.В. Кожина, Л.Е. Пинского, В.Н. Турбина и др.⁶

Во внутренних рецензиях, сопровождающих издание книги о Рабле, сюжет получает дальнейшее развитие. Так, Л.Е. Пинский, разделяющий мнение Бахтина об “освещающем значении Рабле” [1, т. 4(1), с. 17], актуализирует гоголевский сюжет, признавая органичность традиции гротескного реализма для Гоголя. Примечательно, что гоголевская составляющая раблезианской традиции представляется Пинскому настолько важной, что он считает необходимым напомнить о ней в рецензии на рукопись, в которой этот фрагмент отсутствует: “... изучающего русскую литературу, – подчеркивает Пинский, – заинтересуют страницы, посвященные связи Гоголя с гротескным реализмом (к сожалению, они отсутствуют в настоящей редакции работы, но они имелись в первоначальной, хранящейся в архиве Института мировой литературы)” [26, с. 394]. При публикации рецензии на книгу Бахтина в “Вопросах ли-

⁵ Благодарим известного биографа М.М. Бахтина саранского исследователя В.И. Лапуна за предоставленную возможность ознакомиться с этим экземпляром книги.

⁶ Подробности этой истории описывались многократно, см., в частности, выступления В.В. Кожина [24], С.Г. Бочарова [25].

тературы” Пинский “снял” реплику о гоголевских страницах [27].

В ответ на полученную рецензию Л.Е. Пинского Бахтин в письме к нему (21 февраля 1963 г.) сообщает о своем намерении не только восстановить, но и расширить гоголевские страницы, а также “коснуться элементов карнавальной культуры у Пушкина” [1, т. 4 (2), с. 654]. Можно предположить, что Бахтин планировал говорить о судьбах карнавальной культуры в русской литературе, возможно, в русле идей четвертой главы “Проблем поэтики Достоевского”. Как известно, планы остались нереализованными, но гоголевские страницы в рукописи монографии были восстановлены. Так, в редакционном отзыве, написанном А.Г. Соловьевым 8–11 ноября 1964 г. [1, т. 4 (2), с. 667–676], звучит выразительное размышление о раблезианском “следе” в творчестве Гоголя. Анализируя обозначенное Бахтиным созвучие Гоголя средневековой смеховой культуре, рецензент пишет: «Если “Вечера на хуторе” и отчасти “Миргород” и дают некоторые оставившие внимание материалы, то, скажем, “Тарас Бульба” привлечён уже как-то формально (кулачный бой Тараса и Остапа по существу совсем не потасовка карнавального амбивалентного характера), а примеры из “Мёртвых душ” уже совсем формальны: обнаружить в “мёртвых душах” амбивалентный смысл на основании словесных ассоциаций (мёртвое, старое – рождает живое молодое) – это не согласуется ни с замыслом Гоголя, ни с объективным смыслом его поэмы» [1, т. 4 (2), с. 672–673].

О значении, которое придавал М.М. Бахтин, сюжету “Гоголь и Рабле”, свидетельствует не только обращение к гоголевской теме на протяжении всей творческой жизни, но и эпизод, непосредственно связанный с подготовкой рукописи к печати. С.Л. Лейбович, старший редактор издания, вспоминает о бахтинской энергии сопротивления при обсуждении вопроса об исключении из “Рабле” гоголевских страниц: «От другой же главы, “Рабле и Гоголь”, – пишет С.Л. Лейбович, – М.М. отказываться категорически не хотел. Говорил, что в ней много интересных и ценных наблюдений. А я возражала: «Конечно. Правильно. Но книга-то называется “Творчество Рабле и культура средневековья и Ренессанса”. При чём тут Гоголь, Россия, Украина, XIX век? <...> М.М. молчал... Молчал – не соглашался. С этим, не предвещающим ничего хорошего, “упреждающим” (слово из лексикона М.М.) молчанием я была знакома ещё по Малеевке... Но тут вдруг произошло непредвиденное. Вмешалась жена М.М., Елена Александровна» [28, с. 152]. Таким

образом фрагмент “Рабле и Гоголь” исчезает из монографии.

Эта тема опосредованно возникает три года спустя в статье В.В. Кожинова «К методологии истории русской литературы (О реализме 30-х годов XIX века)», опубликованной в журнале “Вопросы литературы” » [29]. Кожинов фактически вводит в научный оборот бахтинский сюжет “Гоголь и Рабле”, говоря о присутствии в рукописи диссертации М.М. Бахтина соответствующей проблемы: «После исследования М. Бахтина неопровержимо ясно, что ренессансный смех Рабле, как и смех Сервантеса и Шекспира, – это особенная эстетическая стихия, качественно отличающаяся от комизма последующей западно-европейской литературы, от классицистической и просветительской сатиры, от романтической иронии, от юмора в реализме XIX века. И творчество Гоголя, в частности его “Мертвые души”, это не сатира, это искусство, близкое искусству “ренессансного” типа – другой термин здесь подобрать трудно» [29, с. 61]⁷.

Представленная в статье бахтинская концепция гоголевского смеха, выпадающая из традиционного (прежде всего “классового”) истолкования поэмы “Мертвые души”, инициировала выступления исследователей, в корне не согласных с предложенным прочтением. В последнем номере “Вопросов литературы” за 1968 г. в рубрике “Трибуна литератора” журнал публикует статьи А. Дементьева [31] и Д. Николаева [32].

Название статьи А. Дементьева – “Сомнительная методология” – определяет основной ее пафос. Избранный для полемики иронический тон призван убедить читателя в несостоятельности взгляда В.В. Кожинова (а по сути М.М. Бахтина) на “Мертвые души” как на произведение ренессансного типа «...остается неясным, – пишет Дементьев, – какое содержание вкладывает Кожинов в туманное понятие “народная субстанция”, но главное понятно: ренессансный реализм – это отнюдь не отрицание, герои произведений ренессансного типа ничуть не отрицательные, а “народная субстанция”, несмотря на то, что ощущается и в “дремучести” Коробочки, и в озорстве Ноздрева, и в разгуле плюшкинской скупости, – нечто очень основательное и достойное» [31, с. 82].

⁷ Появление данного сюжета в статье В.В. Кожинова согласуется с выработанной исследователем тактикой представления научному сообществу бахтинских текстов: через публикацию, прежде всего в “Вопросах литературы”, статей, в которых он “объявлял” о существовании новаторских работ М.М. Бахтина и очевидной важности высказываемых в них идей для современного советского литературоведения [30].

Концепция ренессансной природы гоголевской поэмы стала главным пунктом полемики и в статье Д. Николаева “Сатирическое отрицание и отрицание сатиры” [32]. Мысль Кожина, видящего вслед за Бахтиным карнавальную природу гоголевских образов, остается не проясненной для Николаева. «И неужели В. Кожин, – восклицает исследователь, – всерьез полагает, что герои “Мертвых душ” не являются персонажами *отрицательными*?» [32, с.103].

Пolemика с Кожинным и Бахтиным актуализировалась Николаевым в 1984 г. во введении к монографии “Сатира Гоголя”, тринадцать (из шестнадцати) страниц которого посвящено рассмотрению “природы карнавального смеха и его соотношению со смехом сатирическим” [33, с. 7]. Признавая несомненную заслугу идей М.М. Бахтина, заметно ожививших, по его мнению, литературоведение последних десятилетий, Николаев подробно анализирует статью “Рабле и Гоголь”. Анализ сосредоточен на частностях и ведется по принципу “развенчания”. Исходный посыл полемики – “почему же М.М. Бахтин объявил смех Гоголя не сатирическим?” [33, с. 18] – заостряет сущностную сторону проблемы. М.М. Бахтин, пишущий о гоголевском смехе, имеет в виду существование двух типов сатиры – сатиры смеховой и сатиры серьезной. Для Николаева же существует единый сатирический смех и поэтому, стремясь доказать неправоту бахтинского понимания значения слова, полемизируя с ученым, он фактически подтверждает его мысль о “смеховой сатире” Гоголя: “Сатирический смех – тоже одновременно и отрицает и утверждает.

Мало того, он обладает в этом отношении истине безграничными возможностями, особенно в тех случаях, когда это смех не над какими-то отдельными явлениями окружающей действительности, а над общими ее недостатками, то есть над определенной идеей” [33, с. 9]⁸.

Пolemические отклики на статью В.В. Кожина прозвучали в 1972 г. в монографии Елистратовой А.А. “Гоголь и проблемы западно-европейского романа” [34]. Концепция Кожина представляется исследовательнице “крайне спорной в целом, как и конкретные аргументы, которыми хочет подкрепить ее автор” [34, с. 15].

⁸ Ср. в «Дополнениях к первой редакции “Сатиры”»: «Смеховая сатира является важнейшим видом комического. Там, где комика лишена сатирической направленности, она становится поверхностной и относится к области чисто развлекательной литературы (“смех ради смеха”) <...> Подлинная большая русская сатира, связанная с национальными народно-смеховыми корнями, появляется только у Гоголя» [1, т. 5, с. 35, 37].

Пolemизируя с Кожинным, а фактически с Бахтиным, автор приводит все тот же набор аргументов: “... вряд ли уместно апеллировать к реализму Рабле, чтобы по аналогии с ним доказывать отсутствие сатиры в поэме Гоголя. А с другой стороны, не очевидно ли, как далеки друг от друга эти художники, разделенные огромной исторической дистанцией? <...> в этом-то и заключается решающее, существеннейшее различие между фантастически-универсальными образными обобщениями Рабле и гораздо более исторически конкретными и по своему содержанию, и по самым принципам своей обрисовки образами Гоголя” [34, с. 16].

Исчезновение фрагмента “Рабле и Гоголь” из текста книги “Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса” приводит к парадоксальной ситуации: полемизируя с Кожинным, Елистратова указывает на то, что «блестящее исследование М.М. Бахтина о Рабле, на которое ссылается автор статьи, как особо оговаривал сам Бахтин, не претендует на исчерпывающее освещение и истолкование всего круга вопросов, возникающих в связи с творчеством создателя “Гаргантюа и Пантагрюэля”. Стихия народной “карнавализации”, которую М.М. Бахтин столь оригинально и глубоко анализирует в своей книге, не исчерпывает всего богатства содержания произведения Рабле» [34, с. 15–16].

Как и Д.П. Николаев, А.А. Елистратова имеет в виду не типологическое сходство (о котором, вслед за Бахтиным, говорит Кожин), а социально-исторический и литературный контекст конкретной эпохи, влияющий на автора. Что до определенной степени оправдано. Здесь и содержатся различия в позициях исследователя, занимающегося частной историко-литературной проблемой, и автором, сопоставляющим глобальные явления всемирного литературного процесса в пространстве бахтинского “большого времени”.

С публикацией статьи “Искусство слова и народная смеховая традиция (Рабле и Гоголь)” в 1973 г.⁹ начинается качественно новый этап в осмыслении бахтинской концепции смеха. Появление статьи в сборнике, издававшемся сектором теории литературы ИМЛИ АН СССР, придавало ей особый методологический статус. Появившаяся в окружении работ М.Б. Храпченко, Ю.Я. Барабаша, А.Ф. Лосева, Я.Е. Эльсберга и др., статья Бахтина приобретала характер официально признанной теории.

⁹ В 1975 г. статья с измененным названием “Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая традиция)” опубликована в составе сборника “Вопросы литературы и эстетики”.

Один из первых откликов принадлежит Ю.М. Лотману. В работе «Гоголь и соотношение “смеховой культуры” с комическим и серьезным в русской национальной традиции» [35], разделяя взгляд М.М. Бахтина на недопустимость одностороннего сведения смеха Гоголя к сатире, ученый считает необходимым дополнить комплекс отношения Гоголя к смеху. Развивая мысль Бахтина, Лотман указывает на традицию средневекового восточного православия, которая «различала божественное начало как сущее от кажущегося, мнимого, “мечтательного”, дьявольского» [35, с. 131]. «Гоголь, – подчеркивает М.Ю. Лотман, – писатель, синтезировавший самые различные стихии национальной жизни. <...> Связь с глубинными пластами допетровской национальной культурной традиции проявилась и в особой трактовке понятия комического: европейская культура нового времени узаконила две функции смеха – обличительную сатиру и развлекательность, веселье. М.М. Бахтин указал на присутствие в смехе Гоголя третьего начала – амбивалентного карнавального смеха. Но у гоголевского смеха есть еще одна сторона – он неотделим от ужаса, он связан с миром дьявольской мороки. Смена масок, театральность, проникшая в жизнь, – смешна и ужасна одновременно» [35, с. 132].

Мысль о национальной специфике смеха детализируется в рецензии на книгу Д.С. Лихачева и А.М. Панченко “Смеховой мир” Древней Руси [36]. Примечателен в размышлениях рецензентов акцент на смеховой составляющей национальных обрядов. В текстовом пространстве рецензии обозначены два полюса: карнавальный смех (в понимании Бахтина) – “смешно – значит, не страшно”, – и русский смех от святочных и масленичных обрядов до “Вечеров на хуторе близ Диканьки” Гоголя – “смешно и страшно” [36, с. 156].

Таким образом, Лотман рассматривает творчество Гоголя в контексте православной традиции, Бахтин – в рамках традиции европейского смеха. Теоретико-литературная продуктивность такого спора – в “большом времени”: затронутые аспекты дополняют друг друга, что дает возможность увидеть всю полноту представленной смеховой парадигмы¹⁰.

¹⁰ Современный литературовед В.Г. Шуклин в статье, посвященной рассмотрению вопроса о соотношении мировоззрений и научных методов М.М. Бахтина и М.Ю. Лотмана, касается и интересующего нас вопроса о взглядах исследователей на творчество Н.В. Гоголя [37]. Подчеркивая справедливость оценок гоголевской поэмы по существу, В.Г. Шуклин отмечает: «Разница заключается в конвенции и стоящей за ней традиции научного мышления – проникновенно-эвристической у Бахтина и рационально-конст-

В 1976 г. на страницах “Литературного обозрения” были опубликованы рецензии С.С. Аверинцева и Г. Фридендера на сборник М.М. Бахтина “Вопросы литературы и эстетики”.

Аверинцев С.С. в рецензии-некрологе “Личность и талант ученого” [38], размышляя о свободе как сущности Бахтина-исследователя, задается вопросом: «Не отсюда ли проистекает его неприязнь к сатире, с подкупающей открытостью и прямоотой выраженная хотя бы в статье “Рабле и Гоголь” <...>? Однозначно отрицающий, умерщвляющий без “воскрешения” сатирический смех есть для восприятия Бахтина нечто скаредное, чему не хватает самозабвения, щедрости жизни; в укор сатирическому смеху выясняется суть карнавального смеха – Гераклитова огня, расплавляющего все грани» [38, с. 60]. Исследователь, не знающий бахтинской статьи “Сатира” почувствовал, в какой-то мере “угадал” идею Бахтина о разных типах смеха и сатиры. Однако он не развивает эту мысль и далее пишет: “Бахтина не надо ловить на слове, не надо понимать его слишком буквально (по крайней мере тень этого появляется при переносе характеристик Рабле на Гоголя, каковой перенос, между прочим, довольно убедителен, что не спасает его от некоторой механичности, а механичность бахтинской мысли противопоказана)” [38, с. 61]¹¹.

руктивной у Лотмана. Второе, не менее важное различие касается пристрастий. И бахтинский, и лотмановский Гоголь остается Н.В. Гоголем, но в многообразном феномене гоголевского творчества М.М. Бахтин больше всего “любит” карнавальную веселость и “кромешность” (и ее разновидность – “материальный низ”), а Ю.М. Лотман очарован движением к цели, имя которой – **возвышенность**» (Выделено Шуклиным. – С.Д.) [37, с. 141]. “Карнавал и просвещение, – заключает исследователь, – неслиянные, но не взаимоисключаемые” [37, с. 147].

¹¹ Трудно сказать, является ли определение “механический” в лексиконе С.С. Аверинцева второй половины 1970-х синонимом “искусственного”. Однако очевидно, что некоторые внутренние несогласия с Бахтиным, ясно обозначившиеся на рубеже следующих десятилетий, присутствуют уже здесь. Возможно, проблема все-таки в том, что фрагмент “Рабле и Гоголь” не соположен с прототекстом, из которого был “механически” изъят, и то, что казалось вполне органичным Томашевскому, Смирнову, Тарле и Пинскому не воспринимается как таковое Аверинцевым. Продолжением намечающегося спора по вопросам смеха и его интерпретации Бахтиным явились выступления С.С. Аверинцева в конце 1980-х – начале 90-х гг. [44–45]. В полемическом контексте Аверинцев обращается к проблеме “Гоголь и Рабле”: «...характеристика Гоголя, – подчеркивает Аверинцев, – от начала и до конца ориентирована на карнавально-раблезианскую парадигму, абстрагируясь от вопроса о специфически русских чертах гоголевского смеха, а равно и контекста, в котором этот смех прозвучал. Для Бахтина важно, что “украинский бурсацкий смех был отдаленным киевским отголоском западного “risis paschalis”. Эта перспектива <...> энергично стилизует материал» [45, с. 343].

Отчасти совпадая с Аверинцевым в общей оценке концепции гоголевского смеха, Г. Фридендер [39] дает развернутый комментарий идее карнавальной природы “смехового слова” Гоголя, вступает в полемику с Бахтиным. «... вряд ли кто-нибудь согласится с мнением исследователя, — подчеркивает Г. Фридендер, — что смех не только у молодого, но и у зрелого Гоголя “несовместим со смехом сатирика”»; это полемическое утверждение автора едва ли может быть принято также и для Рабле, хотя оно составляет краеугольный камень развитой им в книге о последней концепции средневекового и ренессансного смеха. <...> Не убеждает и проводимая параллель между странствиями Чичикова и “веселым (карнавальным) хождением по преисподней”» [39, с. 64].

Таким образом, статья “Рабле и Гоголь” воспринимается как фрагмент, как “механическое” наложение готовой теории на художественную практику Гоголя. Не углубляясь в эту отдельную научную проблему, отметим, что здесь, как и в случае с выступлениями А. Дементьева, Д. Николаева, А.А. Елистратовой, корень расхождения лежит в незнакомстве исследователей с бахтинским пониманием сатиры, которое стало возможным только в 1995 г. — после публикации написанной в 1940 г. для литературной энциклопедии статьи “Сатира” [1, т. 5, с. 11–38].

Стремлением “уточнить” некоторые положения бахтинского понимания карнавала и смеха продиктованы выступления Ю.В. Манна.

Примечательно, что свою монографию “Поэтика Гоголя” литературовед открывает главой “Гоголь и карнавальное начало”, прямо подчеркивая — “постановка этой проблемы может послужить ключом для вхождения в поэтический мир Гоголя” [40, с. 7]. Дискуссия развивается в рамках освоения бахтинского наследия. Соглашаясь с Бахтиным в том, что “карнавальное начало воплощает в себе особый тип народной смеховой культуры, оказавшей на протяжении многих веков сильнейшее влияние на искусство и художественную литературу”, Манн задается вопросом: «как соотносится с карнавальным началом творчество Гоголя, отделенного от “корифея народного хора” тремя веками и представляющего собой характернейшего комического писателя нового времени» [40, с. 7].

Последовательно выделяя и анализируя элементы карнавализации у Гоголя (отступление от правил, всеобщность действия, указание на продолжающуюся жизнь (свадьба)), литературовед прямо выходит на проблему гоголевского смеха и его интерпретации Бахтиным: “Значит ли это, что гоголевское творчество всецело наследует карна-

вальную традицию? <...> сегодня уже наметилась тенденция сделать самые кардинальные выводы насчет карнавального смеха Гоголя и сходства его с художниками Ренессанса. Вопрос достаточно принципиальный, чтобы его можно было обойти или ограничиться общим ответом” [40, с. 13]. Однако в последующих своих размышлениях Манн сводит смех к карнавализации и ведет полемику по принципу детализации бахтинской концепции карнавала. Что по сути “снимает” декларируемое несогласие и приводит к подтверждению бахтинской идеи в общем выводе главы: “Переосмысление мотивов, образов и сцен, традиционно связанных с народной карнавальной смеховой культурой, усложнение амбивалентности, зияющий контраст индивидуальной смерти и жизни целого, обостренно-трагическое ощущение этого контраста, ведущее к постановке философских проблем, — все это заставляет видеть в Гоголе характернейшего комического писателя нового времени, не сводимого к традиции карнавального смехового начала¹² (хотя и имеющего с нею точки соприкосновения)” [40, с. 39–40].

К проблеме карнавала, карнавального смеха Манн вернулся в юбилейный год в статье “Карнавал и его окрестности” [43]. Обозначая “исходный пункт” своих размышлений, литературовед характеризует бахтинскую теорию комического как “во многом определившую современное понимание этой проблемы в отечественном, а частично и в зарубежном литературоведении” [43, с. 154]. На волне “бахтинского бума” Ю. Манн с удовлетворением отмечает изменившуюся ситуацию отношения к идеям Бахтина: “Одна из заслуг теории Бахтина, — подчеркивает Манн, — состоит в оправдании той области смешного, которая носит название грубой комики”, той сферы, “которая у Бахтина носит наименование сферы телесного низа” [41, с. 154].

Всем ходом своих размышлений, дополняющих, а точнее — корректирующих бахтинскую концепцию, Ю. Манн показывает возможность ее использования в качестве инструмента современного гоголеведения.

Примером осмысления и освоения бахтинской концепции на рубеже 70–80-х гг. стала моно-

¹² На чем Бахтин никогда не настаивал. Ср: “Нас интересуют только элементы народной смеховой культуры в его творчестве. Мы не будем касаться вопроса о прямом и косвенном (через Стерна и французскую натуральную школу) влиянии Рабле на Гоголя. Нам важны здесь такие черты творчества этого последнего, которые — независимо от Рабле — определяются непосредственной связью Гоголя с народно-праздничными формами на его родной почве” [1, т. 4 (2), с. 511].

графия В.Ш. Кривоноса “Проблема читателя в творчестве Н.В. Гоголя”. Ставя перед собой задачу “осознать существо гоголевского смеха в связи с проблемой читателя” [42, с. 2], Кривонос начинает свои размышления с цитирования статьи “Рабле и Гоголь”, с одной стороны, подчеркивая дискуссионность обозначенной проблемы, с другой – самой логикой научного повествования демонстрируя расширение горизонта, возможность свежего взгляда на гоголевское творчество.

Органичность обращения В.Ш. Кривоноса к идеям М.М. Бахтина в научном пространстве монографий [42–43] фиксирует тот перелом, который произошел в отечественном литературоведческом сознании конца 1970-х–начала 80-х гг.

Вторая половина 1980-х–начало 90-х гг. – новый этап в осмыслении идей М.М. Бахтина отечественным литературоведением. Эпоха советских дискуссий вокруг Бахтина завершается его признанием. Более того отсутствие внимания к бахтинской концепции при интерпретации теорий комического не позволяет провести анализ с достаточной степенью глубины (подробнее см.: [46, с. 164]). Для ведущих историков литературы М.М. Бахтин – фигура знаковая и авторитетная, классик, создатель новых подходов, опора на которые дает возможность “прочитать” многие сюжеты русской литературы, “увидеть” общие закономерности. В этот период делается попытка поместить М.М. Бахтина в центр гуманитарного мышления, что связано с изданием комплекса философско-эстетических работ ученого – таких, как “К философии поступка”, “Эстетика словесного творчества” (1986). Эти труды позволяют говорить о Бахтине-философе, мыслителе мирового уровня, для которого литературоведение было лишь одной из сфер приложения его “методологии гуманитарных наук”.

Таким образом, история осмысления и освоения бахтинских идей, заложенных в научном сюжете “Гоголь и Рабле”, складывается из относительно самостоятельных эпизодов истории отечественного литературоведения 1940–1980-х гг.: от восприятия органичности бахтинских идей, через непринятие, во многом мотивированное политическими и идеологическими причинами, через обсуждение и споры – к творческому диалогу, признанию и “возрождению смысла”.

Сюжет “Гоголь и Рабле” получает новое развитие в связи с дальнейшим обращением к этой стороне наследия Бахтина отечественных и зарубежных исследователей середины 1990-х–нач. 2000-х годов (см. ([47–53])).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 1–6. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1997–2012.
2. Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 720 с.
3. Попова И.Л. Книга М.М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 464 с.
4. Перлина Н. Еще раз о том, как по ходу работы над книгой о Рабле Михаил Бахтин читал “Поэтику сюжета и жанра” Ольги Фрейденберг // Хронотоп и окрестности: Юбилейный сборник в честь Николая Панькова. Chronotope and Environs: Festschrift for Nikolay Pan'kov / под ред. Б.В. Орехова. Уфа: Вагант, 2011. С. 209–226.
5. Осовский О.Е. [Рец.] И.Л. Попова. Книга М.М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 464 с. // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 2. С. 76–80.
6. Джузеппина Ларокка [Рец.] И.Л. Попова. Книга М.М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы // Вопросы литературы. 2012. № 2. С. 488–491.
7. Холиков А. Плод занимательной науки. Из размышлений над жанром биографии литературоведа // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 341–354.
8. Bronckart Jean-Paul, Bota Cristian. Bakhtine demasque. Histoire d'un menteur, d'une escroquerie et d'un delire collectif. Genfve: Droz, 2011. 629 p.
9. Осовский О.Е. [Рец.] The Bakhtin Circle. In the Master's Absence, 2004 // Вопросы литературы. 2005. № 4. С. 368–369.
10. Craig Brandist The Bakhtin Circle: philosophy, culture and politics, 2002. 221 p.
11. Медведев Ю.П., Медведева Д.А., при участии D. Shepherd. Полифония круга // Хронотоп и окрестности: Юбилейный сборник в честь Николая Панькова. Chronotope and Environs: Festschrift for Nikolay Pan'kov / под ред. Б.В. Орехова. Уфа: Вагант, 2011. С. 170–197.
12. Медведев Ю.П., Медведева Д.А. Круг М.М. Бахтина. К обоснованию феномена // Звезда. 2012. № 3. С. 202–215.
13. Зенкин С. Некомпетентные разоблачители // Новое литературное обозрение. 2013. № 199. С. 358–366.
14. Махлин В., Долгорукова Н. Ресентимент одуроченных // Вопросы литературы. 2013. № 6. С. 444–450.
15. Осовский О.Е. Бахтин вчера, сегодня, завтра: К завершению издания собрания сочинений М.М. Бахтина // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 2. С. 101–106.

16. Dialogues with Bakhtinian Theory: Proceedings of the Thirteenth International Mikhail Bakhtin Conference / Ed. by M. Polyuha, C. Thomson, A. Wall. London, Ontario: Mestengo Press, 2012. 437 p.
17. Культура и жизнь. 1947. 20 ноября. № 32 (51).
18. Из воспоминаний Е.М. Евниной // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2–3. С. 114–117.
19. Пинский Л.Е. Памяти М.М. Бахтина // Л.Е. Пинский. Минимы. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. С. 451–453.
20. Лаптун В.И. “Располагайте мною по-дружески...” (о годах дружбы М.М. Бахтина с Г.С. Петровым) // Странник. 2014. № 2. С. 187–193; № 3. С. 180–185.
21. Евнина Е.М. Франсуа Рабле. М.: ГИХЛ, 1948. 344 с.
22. Осовский О.Е. М.М. Бахтин читает Ольгу Фрейденберг: о характере и смысле маргиналий на страницах “Поэтики сюжета и жанра” // Бахтин в Саранске. Материалы. Документы. Исследования. Вып. 1. Саранск. 2002. С. 24–35.
23. Попова И.Л. История “Рабле”: 1930–1950-е годы (“Я погибаю без книг...”) // Бахтин М.М. Собр. соч. М., 2008. Т. 4 (1). С. 858–879.
24. Кожин В.В. “Как пишут труды, или Происхождение несозданного авантюрного романа” (Вадим Кожин рассказывает о судьбе и личности М.М. Бахтина) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 109–122.
25. Бочаров С.Г. События бытия: О М.М. Бахтине // М.М. Бахтин: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001. Т. II. С. 277–294.
26. Пинский Л.Е. Отзыв о книге М. М. Бахтина “Творчество Рабле и проблемы народной культуры средневековья и Ренессанса” // М.М. Бахтин: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001. Т. I. С. 391–397.
27. Пинский Л.Е. Рабле в новом освещении // Вопросы литературы. 1966. № 6. С. 200–206.
28. Тридцать лет спустя: Редактор “Рабле” С.Л. Лейбович вспоминает о подготовке книги к изданию // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997. № 1. С. 140–186.
29. Кожин В.В. К методологии истории русской литературы (О реализме 30-х годов XIX века) // Вопросы литературы. 1968. № 5. С. 60–82.
30. Кожин В.В. Научность – это связь с жизнью // Вопросы литературы. 1962. № 3. С. 83–95.
31. Дементьев А. Сомнительная методология // Вопросы литературы. 1968. № 12. С. 69–90.
32. Николаев Д. Сатирическое отрицание и отрицание сатиры // Вопросы литературы. 1968. № 12. С. 91–110.
33. Николаев Д.П. Сатира Гоголя. М.: Художественная литература, 1984. 367 с.
34. Елистратова А.А. Гоголь и проблемы западноевропейского романа. М.: АН СССР. Наука. 1972. 304 с.
35. Лотман Ю.М. Гоголь и соотнесение “смеховой культуры” с комическим и серьезным в русской национальной традиции / Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. I (5). Тарту, 1974. С. 131–133.
36. Лотман Ю., Успенский Б. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 148–166.
37. Щукин В.Г. Дух карнавала и дух просвещения. Бахтин и Лотман // Юрий Михайлович Лотман / Под ред. В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2009. С. 132–190.
38. Аверинцев С.С. Личность и талант ученого // Литературное обозрение. 1976. № 10. С. 58–61.
39. Фридлендер Г. Реальное содержание поиска // Литературное обозрение. 1976. № 10. С. 61–64.
40. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. М.: Художественная литература, 1978. 398 с.
41. Манн Ю. Карнавал и его окрестности // Вопросы литературы. 1995. № 1. С. 154–182.
42. Кривонос В.Ш. Проблема читателя в творчестве Гоголя. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981. 168 с.
43. Кривонос В.Ш. “Мертвые души” Гоголя и становление новой русской прозы. Проблемы повествования. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 158 с.
44. Аверинцев С.С. “Бахтин, смех, христианская культура” // М.М. Бахтин: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001. Т. I. С. 468–483.
45. Аверинцев С.С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе: Сб. в честь семидесятилетия Елеазара Моисеевича Мелетинского. М.: РГГУ, 1993. С. 341–345.
46. Осовский О.Е., Дубровская С.А. Разработка концепции “смехового слова” в трудах М.М. Бахтина 1930–1960-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4–1 (34). С. 163–167.
47. Иваницкий А.И. Гоголь. Морфология земли и власти. М.: РГГУ, 2000. 188 с.
48. Shepherd D. Imia or Prozvishche? Bakhtin, Gogol and the History of Laughter // Essays in Poetics. 2003. Vol. 28. P. 181–201.
49. Кривонос В.Ш. Повести Гоголя: пространство смысла: монография. Самара: Изд-во СГПУ, 2006. 442 с.
50. Кривонос В.Ш. Гоголь: проблемы творчества и интерпретации. Самара: СГПУ, 2009. 420 с.
51. Дубровская С.А. “Смеховое слово” в литературной критике В.Г. Белинского 1830–х гг. // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 230–233.
52. Дубровская С.А., Гудкова С.П. Гоголевское “смеховое слово” в литературном сознании поэта-современника // Вестник Университета Российской академии образования. 2010. № 1. С. 24–27.
53. Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 232 с.